

торами старожилами края. То же значение придавалось ему и в чувашском свадебном ритуале. Подтверждением аналогичного понимания обряда разувания мужа у восточных славян может служить зафиксированный летописью ответ Рогнеды на сватовство князя Владимира: «не хочу разуть робичича», который означает образный, основанный на общепринятой символике отказ. Обряд разувания включал также вознаграждение невесты деньгами, которые лежали в правом сапоге, и ее ритуальное бичевание плетью, находившейся за голенищем левого сапога. Следует отметить, что бичевание невесты (жены) рассматривалось многими авторами XIX—XX вв. в качестве дополнительного аргумента в определении смысла всего обряда в целом как демонстрации подчиненного положения женщины в семье, ее полной покорности мужу. Однако Н. Ф. Сумцов, Е. Г. Кагаров и другие этнографы склонны видеть в ритуальном бичевании отголоски апотропейного и карпогонического обрядов. По их мнению, бичевание сгоняло с невесты «порчу» и «нечистую силу» и повышало ее плодovitость. Если исходить из этого значения ударов плетью, то обряд разувания в целом может быть «прочитан» следующим образом: невеста (жена), встречая жениха (мужа), оказывает ему знаки гостеприимства, подтверждая тем самым добровольность вступления с ним в супружеские отношения. После этого жених (муж) вознаграждает ее деньгами и совершает обряд предбрачного очищения и повышения плодovitости.

Проанализированный Г. С. Масловой материал об обрядовой одежде русских, украинцев и белорусов говорит о большом сходстве ее у всех трех восточнославянских народов, а также о существовании особенностей, связанных со своеобразными условиями формирования населения в различных регионах расселения восточных славян, и наличии в обрядовой одежде русских, украинцев и белорусов элементов, характерных для соседних народов, как о следствии культурно-бытового взаимодействия. Однако эта последняя тема, как справедливо отмечает Г. С. Маслова, далеко не исчерпана и требует дальнейших исследований.

Рецензируемую книгу дополняет помещенная в Приложении работа И. И. Шангиной «Обрядовая одежда восточнославянских народов в собрании Государственного музея этнографии народов СССР». Поскольку в музее наиболее полно представлена русская свадебная одежда из различных районов расселения русских, то и описана она особенно подробно. Что же касается украинской и белорусской одежды, то относительно небольшое по сравнению с русским количество экспонатов одежды, хранящихся в музее (русских — 75 тыс., украинских — 16 тыс., белорусских — 9 тыс.), не позволило с той же подробностью рассмотреть свадебную одежду различных групп украинского и белорусского населения. Тем не менее работа И. И. Шангиной служит хорошим примером научного описания коллекций и может облегчить проведение подобной работы в других музеях.

В целом работа Г. С. Масловой представляет собой исчерпывающий свод сведений и анализ обширного материала как накопленного другими этнографами в течение почти двух столетий изучения восточнославянских народов, так и собранного автором в этнографических экспедициях. Работа Г. С. Масловой имеет большое научное значение. На примере одежды в ней выявлены общие черты материальной культуры восточных славян, обусловленные историей формирования русских, украинцев и белорусов, и показаны этнические и региональные различия, порожденные своеобразием их социально-экономического и культурного развития.

Нам представляется, что рецензируемая работа имеет и большое методическое значение. Подобные исследования должны быть проведены и в отдельных регионах расселения русских, украинцев и белорусов. Книга Г. С. Масловой в значительной мере будет способствовать успешному осуществлению этой задачи.

Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин

Ш. Д. Инал-ипа. Очерки об абхазском этикете. Сухуми: Алашара, 1984. 190 с.

С каждым годом расширяется и углубляется изучение материального и духовного быта абхазского народа. И все-таки до настоящего времени нет еще исчерпывающей этнографической характеристики этого этноса: некоторые сферы традиционно-бытовой культуры абхазов остаются пока недостаточно или совсем не изученными. К их числу относится и культура общения, народный этикет. Историография этой проблемы невелика и по другим народам Кавказа¹. Поэтому новая работа Ш. Д. Инал-ипа, в которой исследуется эта важная проблема на абхазских материалах, существенно восполняет имеющиеся лакуны. Большим достоинством монографии является ее насыщенность фактами, причем не только добытыми из литературных и архивных источников, но, что самое главное, из самой жизни, из личных наблюдений автора — абхаза, родившегося и выросшего в типичной абхазской сельской семье.

Нужно отметить, что к проблемам, исследуемым в рецензируемой книге, Ш. Д. Инал-ипа обращается не впервые. В 1973 г. им был опубликован труд «Традиции и современность (по материалам этнографии абхазов)», в переработанном и дополненном виде переизданный в 1978 г. Рецензируемая монография в какой-то мере развивает положения предыдущих исследований автора, но по существу в ней рассматривается целый ряд новых аспектов.

¹ См.: Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик: Эльбрус, 1978; его же. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983.

В книге, состоящей из предисловия, введения, 12 глав и заключения, рассмотрены ряд актуальных вопросов культуры абхазов: ее исторические корни, традиционное и современное состояние, перспективы развития и др.

Традиционный этикет абхазов складывался в течение многих веков. Его генетические корни Ш. Д. Инал-ипа справедливо возводит к общинно-родовому, военно-демократическому и патриархально-феодальному укладам. Однако все же наиболее важную роль в формировании этикета автор отводит эпохе военной демократии. Влияние этого уклада усматривается в особом почитании воинских доблестей, культе героя, в специальной терминологии абхазской бытовой лексики, устойчивых фразеологизмах, многие из которых приведены в книге. Конечно же, немалое влияние на народный этикет оказали и последующие ступени социально-экономического развития абхазского этноса (глава первая). При объяснении того или иного элемента традиционного этикета автор всегда держит в поле зрения и социальный аспект проблемы (глава вторая).

На наш взгляд, Ш. Д. Инал-ипа совершенно прав, утверждая, что «в основе абхазской традиционно-бытовой культуры лежит несколько важнейших принципов — принцип сословности, кровного (в прошлом и молочного, или аталычного) родства и свойства..., возрастной принцип с вытекающим отсюда „культ“ старших (особенно старшего мужчины) и соответствующей системой сложного соподчинения..., принцип гостеприимства..., принцип воинской отваги... и др. Все они объединяются одним необычайно широким и объемным понятием „абхазства“ — апсуара» (с. 43).

Апсуара рассматривается в книге с классово-исторической точки зрения, причем автор подчеркивает, что наиболее строго придерживались ее принципов представители демократических слоев общества, прежде всего крестьянства, и что нередко эти принципы нарушались или же неточно соблюдались представителями социальной верхушки общества.

Интересна третья глава, в которой рассматриваются представления абхазов о внешнем облике человека, об идеале мужской и женской красоты, воплотившиеся в устной народной поэзии, а впоследствии и в произведениях художественной литературы.

И все-таки первые три главы монографии — это скорее всего подступы к главной теме — исследованию разных аспектов абхазского этикета. Автор рассматривает всаднический этикет (глава 4), роль старших возрастных групп в традиционном поведении (глава 5), этикетные нормы в абхазской семье (глава 6), обычай гостеприимства в традиционном этикете (глава 7), культуру застолья (глава 8), разнообразные формы приветствий и благопожеланий (глава 9), этикет в похоронно-поминальном ритуале (глава 10), некоторые особенности речевого поведения абхазов (глава 11). На протяжении всей монографии автор последовательно показывает, что знание и соблюдение традиционного этикета было обязательной жизненной нормой абхазов. Незнание или несоблюдение ими этикета осуждалось (хотя могло прощаться представителю другого этноса). Поэтому с раннего детства абхаз присматривался прежде всего к поведению старших сородичей в различных жизненных ситуациях. Фактически единственной его школой была повседневная жизнь, пример его родителей, старших уважаемых соплеменников. Человек, хорошо знающий и строго соблюдающий традиционный этикет, всегда пользовался (да и теперь пользуется) среди абхазов, особенно старших возрастов, всеобщим уважением.

Исследуя ту или иную особенность абхазского этикета, а также связанные с ним обычаи и обряды, автор в большинстве случаев дает им реальную оценку, поддерживая и поощряя их, но нередко и выступая против, отживших свой век вредных норм, мешающих развитию нашего общества.

Заключительная глава «Абхазо-адыгские этикетные параллели» еще раз убедительно свидетельствует прежде всего об этногенетических и тесных культурно-исторических связях абхазов и адыгов. Кроме того, сравнительный анализ, проводимый автором в этой главе, дает ему право говорить о большой общности абхазского этикета с аналогичными системами, известными у других народов Кавказа.

Рецензируемая монография — одна из немногих работ по культуре общения народов этого историко-культурного региона. И уже в этом ее большая научная ценность. Между тем традиционный этикет, составляющий одну из важных сфер бытовой культуры каждого этноса и во многом помогающий понять его самобытность и своеобразие, заслуживает дальнейшего углубленного изучения.

Г. А. Амичба, Ш. Х. Салакая

НАРОДЫ АФРИКИ

Peuples du Golfe du Bénin. Aja-Ewé. Etudes réunies et présentées par François de Medeiros. Paris: Karthala, 1984. 328 p.

Можно с полным основанием утверждать, что ни одной стране Тропической Африки так не «повезло» в историко-этнографической литературе, как Дагомее (ныне Народная Республика Бенин). Из написанных об этой стране книг можно составить солидную научную библиотеку. В нее прежде всего вошли бы многочисленные записки европейских путешественников, работорговцев и колониальных чиновников, затем труды по истории, этнографии, социологии, языкознанию, написанные как учеными За-